

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

О. Б.

КНИГА IX.

100,833
9

МОСКВА.

1887.

Printed in St. Petersburg

(Reproduction) Digitized by Google

AP5D
R875
v. 8:9
MAIN

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. ДВѢ ПАРЫ. Повѣсть. Гл. V—X. <i>Окончаніе</i> .—А. И. Эртеля.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. А. Козлова.	60
III. ПОТОПЪ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть IV, гл. I—XIV. <i>Продолженіе</i>	61
IV. ЛЮБОВЬ ХУДОЖНИКА. Разсказъ.—Н. Северина	141
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. А. Козлова.	163
VI. ИГРАЛИЩЕ СУДЬБЫ. (Fortune's Fool). Романъ Джуліана Готторна. Переводъ съ англійскаго Е. Н. А. Часть I, гл. XVI—XIX. <i>Продолженіе</i>	164
VII. «ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ» И «ТРУЖЕНИЧЕСТВО». (Литературныя и общественныя замѣтки).—Гл. И. Успенскаго.	1
VIII. СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ. <i>Продолженіе</i> .—Г—ра.	29
IX. О ВЫРОЖДЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.—М. И. Венюкова.	50
X. ИЗДАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ НАРОДНЫХЪ КНИЖЕКЪ.—А. С. Пругавина	66
XI. ГЕНРИКЪ ИБСЕНЪ. (Georg Brandes: «Moderne Geister». 1887)	90
XII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: О педагогическо́й литературѣ послѣднато времени.—П. Ф. Лесгафта.	126
XIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. Г.	139
XIV. БЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТХОЖИХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.—Г. М. Герценштейна.	147
XV. НОВОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—П. Г. В.	165

852169

ХVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Нижегородская ярмарка.— Петиція фабрикантовъ.— Базенные доходы и нормированіе сверхъсмытныхъ расходовъ.— Нѣчто о «либералахъ» и «народникахъ».— Буржуазія и либерализмъ на Западѣ.— Послѣдствія циркуляра о гимназіяхъ.— Циркуляръ по московскому округу.— Проекты новыхъ налоговъ.— Расширеніе Донской области.— Важная реформа въ дѣлѣ благотворительности. . . .	179
ХVII. ЗЕМСКІЕ ВОПРОСЫ. — Г—ча	207
ХVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.— Философія и педагогика.— Политическая экономія.— Юридическія книги.— Географія.— Медицина.— Технические книги.— Учебники.— Справочныя книги и календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», августъ.— «Сѣверный Вѣстникъ», июль и августъ.— «Юридическій Вѣстникъ», январь—августъ.	531

Издание и распространение народных книжекъ.

Когда, въ 1824 году, извѣстный русскій ученый И. М. Снегиревъ представилъ въ общество любителей россійской словесности свою замѣчательную статью о лубочныхъ картинкахъ, то среди членовъ этого общества явилось сомнѣнiе: «можно ли и должно ли допустить разсужденiе въ ихъ обществѣ о такомъ *пошломъ*, *площадномъ* предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни?»

Долго толковали почтенные члены литературнаго общества на эту тему и, наконецъ, скрѣпя сердце, рѣшили принять статью Снегирева, но не иначе, какъ измѣнивши заглавiе ея, а именно, вмѣсто словъ «лубочныя картинки», поставить «простонародныя изображенiя».

Презрительное отношенiе къ народно-лубочнымъ картинкамъ и книжкамъ со стороны большинства образованнаго общества установилось съ давнихъ поръ и начало его, безъ сомнѣнiя, относится еще къ тому времени, когда все *народное* третировалось и считалось низкимъ и презрѣннымъ, а самый народъ даже въ официальныхъ документахъ неизмѣнно величался «подлымъ». Третьяковскiй и Сумароковъ считали подлыми даже всѣ народныя пѣсни, а Кантемиръ и Барковъ признавали народныя картинки «негодными и гнусными». Сатирикъ Кантемиръ не безъ гордости замѣчалъ, что сочиненiе его «гнусно не будетъ лежать въ одномъ сверткѣ съ *Бовою* или *Ершомъ*», а Сумароковъ въ эпистолахъ о русскомъ языкѣ обращается къ бездарнымъ и безграмотнымъ писателямъ съ такимъ совѣтомъ:

«Лишь только ты склады немножо поучи:

Изволь писать *Бову*, *Петра златыя ключи*».

«Эти чопорные господа, въ большинствѣ сами вышедшiе изъ «подлаго» народа, — какъ справедливо замѣчаетъ г. Ровинскiй, — ниважъ не могли вообразить, что *Ершь*, *Бова* и *Петръ златыя ключи* переживуть ихъ безсмертныя творенiя» *).

*) Д. Ровинскiй: „Народныя картинки“, книга V.

Однако, уже и въ то время наиболѣе передовые люди иначе относились къ произведеніямъ народнаго творчества; къ числу этихъ немногихъ людей принадлежалъ и нашъ первый народный поэтъ А. С. Пушкинъ. Во время одного изъ путешествій ему пришлось увидѣть на стѣнахъ станціонной комнаты картины погребенія kota и споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ; онъ тотчасъ же замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что «картинки эти заслуживаютъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи вниманія образованнаго человѣка».

Подъ впечатлѣніями знакомства съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества Пушкинъ, какъ извѣстно, написалъ нѣсколько русскихъ сказокъ и цѣлую поэму *Русланъ и Людмила*. «Можно представить себѣ,—говоритъ г. Ровинскій,—какой переполохъ сдѣлало появленіе этой поэмы и сказокъ въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ». Журнальные критики пришли въ неописанный ужасъ; негодованію ихъ не было конца. Вотъ, наприм., что писалъ «фешенебельный критикъ» тогдашняго *Вѣстника Европы*: «Возможно ли просвѣщенному или хотя немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе *Еруслану Лазаревичу*? Вѣдь, это все равно, «еслибъ въ московское благородное собраніе какъ-нибудь втерся гость съ бородою (!), въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: «здорово, ребята!» и т. д., и т. д., все въ томъ родѣ (*В. Евр.* 1820 г., № 11) *)».

Но какъ ни громко заявляли о себѣ эти «фешенебельныя» тенденціи, тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ обаяніе ихъ въ глазахъ лучшей части общества слабѣло и они все болѣе и болѣе теряли подъ собою почву. На смѣну имъ все ярче и ярче выступали новыя начала, новые принципы и идеи, въ основѣ которыхъ лежало сочувственное отношеніе къ «порабощенному народу», стремленіе ознакомиться съ его бытомъ, съ его потребностями и воззрѣніями,—искреннее желаніе помочь ему выйти на дорогу «знанія и свѣта».

Собственно говоря, еще со временъ Новикова лучшіе представители образованнаго общества начинаютъ задаваться цѣлью облегчить народу доступъ къ образованію и развитію, начинаютъ заботиться о распространеніи грамотности и просвѣщенія въ народной массѣ. Къ сожалѣнію, многія неблагоприятныя условія общественной жизни прежняго времени сильно тормазили эти просвѣтительныя стремленія и мѣшали благимъ и добрымъ начинаніямъ окрѣпнуть и принести надлежащіе плоды. Подъ вліяніемъ этихъ условій нерѣдко самыя гуманныя стремленія передовой части общества совершенно атрофировались и замирали иногда на долгіе годы.

Съ другой стороны, крѣпостное право, тяжелымъ гнетомъ лежавшее

*) Тамъ же.

на народъ, грубо и безжалостно разбивало всякіе порывы къ свѣту, возникавшіе въ средѣ загрѣпощеннаго люда.

При существованіи подобныхъ условій «насаждать просвѣщеніе» было, разумѣется, болѣе чѣмъ затруднительно. Еще труднѣе было самому народу, безъ помощи болѣе культурныхъ классовъ, пробиться къ свѣту, проложить себѣ дорогу къ образованію и развитію.

Но вотъ повѣяло новымъ духомъ. Освободительныя реформы прошлаго царствованія, разбившія крѣпостныя оковы и создавшія болѣе благопріятныя условія для общественной дѣятельности, сразу измѣнили положеніе дѣла. Явилось земство, которое, въ большинствѣ случаевъ, съ горячею любовью и энергіей берется за дѣло народнаго образованія, за устройство народныхъ школъ, за подготовку учителей и учительницъ для этихъ школъ и т. д.

Первою, важнѣйшею задачей для просвѣтительной дѣятельности земства въ то время являлось *распространеніе грамотности* въ народѣ. Къ достиженію этой цѣли и были направлены всѣ усилія земства, а также и частныхъ обществъ, которыя то и дѣло возникали тогда: то было время сильнаго подъема общественной инициативы и бодрой вѣры въ свои силы.

Въ 1861 году при петербургскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ возникаетъ «комитетъ грамотности», поставившій своею цѣлью «содѣйствовать поддержанію и распространенію грамотности въ средѣ простаго народа». Для достиженія этой цѣли комитетъ намѣтилъ слѣдующіе способы:

- 1) теоретическое выясненіе вопросовъ, касающихся разныхъ сторонъ народнаго образованія;
- 2) награжденіе преміями авторовъ за выдающіеся педагогическіе и литературные труды по народному образованію;
- 3) изданіе сочиненій, наиболѣе соответствующихъ цѣлямъ комитета;
- 4) посредничество между столичными книгопродавцами и народными школами при выпискѣ книгъ, а, главное, бесплатное снабженіе бѣднѣйшихъ народныхъ школъ книгами и учебными пособиями.

Московский комитетъ грамотности, возникшій еще въ 40-хъ годахъ, но долгое время влачившій жалкое, безцвѣтное существованіе, въ 60-хъ годахъ, подъ вліяніемъ общаго просвѣтительнаго стремленія, пробуждается и въ дѣятельности его за этотъ періодъ времени замѣчается особенное оживленіе. Затѣмъ то и дѣло возникаютъ разныя «общества распространенія полезныхъ книгъ», «комиссіи по устройству народныхъ чтеній», «товарищества общественной пользы» и т. п. Движеніе это переходитъ въ провинцію и «общества распространенія грамотности» начинаютъ возникать въ губернскихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Калугѣ и т. д.

Земская школа, развиваясь съ каждымъ годомъ и проникая въ самыя

глухія села и деревни, мало-по-малу создала, наконецъ, огромный контингентъ грамотнаго люда среди народа. А за грамотностью неизбѣжно является потребность въ книжкѣ, въ чтеніи, потребность въ литературѣ. О томъ, какъ именно удовлетворяется эта потребность, мы и поговоримъ въ настоящей статьѣ; но прежде скажемъ два слова въ объясненіе термина *лубочная литература*, часто встрѣчающагося въ нашей статьѣ.

Сначала терминъ этотъ прикладывался, главнымъ образомъ, къ известнымъ народнымъ картинкамъ и уже потомъ, сравнительно недавно, сталъ прикладываться къ народнымъ книжкамъ, вышедшимъ изъ книжныхъ лавокъ Никольской улицы. По словамъ г. Ровинскаго, «названіе народныхъ картинокъ *лубочными* въ старинной литературѣ нашей совсѣмъ не встрѣчается; появилось оно только въ нынѣшнемъ столѣтіи, а на ученомъ языкѣ употребилъ его въ первый разъ Снегиревъ въ своихъ статьяхъ, писанныхъ въ 1822 и 1824 гг.». По замѣчанію Снегирева, названіе картинъ лубочными могло произойти отъ слова *лубъ*, т.-е. липовая кора, а также и липовое дерево, на которомъ рѣзаны первыя народныя картинны, какъ это видно изъ сохранившихся до нашего времени гравированныхъ досокъ XVII вѣка, поступившихъ въ Христіанскій музей академіи художествъ изъ собранія Погодина.

Однако, г. Ровинскій отдаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе мнѣнію г. Н. Трохимовскаго, который говоритъ, что названіе простыхъ картинъ лубочными произошло отъ лубочныхъ коробовъ, въ которыхъ онѣ укладывались и разносились офенями *). Это же мнѣніе раздѣляютъ и другія лица, писавшія о лубочной торговлѣ, какъ, напримѣръ, И. А. Голышевъ и г. Маравуевъ. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что названіе *лубочнаго* въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія придавалось всему, что дѣлалось и строилось плохо и на-скоро, на живую руку.

I.

Почему „хорошія книжки“ не доходили до народа?

Различные «комитеты грамотности», «общества распространенія полезныхъ книгъ», «комиссія по устройству народныхъ чтеній» и т. п. учрежденія, а также многія частныя лица изъ интеллигенціи составляли, печатали и издавали очень много книгъ и книжекъ спеціально «для народа». Среди этихъ изданій, хотя и не часто, встрѣчались, разумѣется, и удачныя, хорошія, полезныя книги, доступныя народному пониманію.

Но—странное дѣло!—всѣ эти «хорошія книжки» обыкновенно преспокойно оставались на полкахъ столичныхъ магазиновъ. Въ лучшемъ случаѣ онѣ расходились среди той же интеллигентной публики, изрѣдка попадая въ болѣе обезпеченныя школы и училища.

*.) *Русскій Вѣстникъ* 1886 г., № 6.

Деревня, фабрика, село и не подозревали о существованіи «хорошихъ книжекъ», и, попрежнему, деревенскіе грамотѣи читали лубочныя издѣлія «Никольскаго рынка»... Почему же «хорошія книжки» не попадали въ деревню? Почему не доходили до мужика?

По нашему мнѣнію, главная причина этого заключалась въ томъ, что лица, бравшіяся за изданіе книгъ «для народа», въ сущности, почти совсѣмъ не знали этого народа, не знали условій деревенской среды, не знали потребностей мужика, его привычекъ и вкусовъ, которые, во всякомъ случаѣ, необходимо было принять во вниманіе. Затѣмъ у этихъ людей не было, собственно говоря, никакихъ связей съ селомъ или съ деревней,—тѣхъ связей, которыя вырастаютъ только на почвѣ живаго, реального дѣла и безъ которыхъ немислимъ успѣхъ никакого практическаго предпріятія. Въ то же время, у нихъ не было никакихъ посредниковъ, вродѣ, напримѣръ, офеней, ходобщиковъ, коробейниковъ и т. п., которые могли бы сблизить ихъ съ мужикомъ, ознакомить его съ ихъ изданіями, съ ихъ добрыми замыслами, гуманными задачами.

Интеллигентные издатели народныхъ книжекъ обыкновенно совсѣмъ упускали изъ вида, что еще мало напечатать и издать хорошія книжки для народа, но что необходимо позаботиться о распространеніи ихъ въ народной средѣ. Думать, что мужики будутъ сами выписывать хорошія книжки изъ столичныхъ магазиновъ, по меньшей мѣрѣ паввно. Необходимо, чтобы книжки эти были занесены въ село и деревню, чтобы онѣ появились на ярмаркахъ и базарахъ, на которые стекаются крестьяне для закупки всего необходимаго для себя *). А объ этомъ-то и не думали совсѣмъ интеллигентные издатели народныхъ книжекъ, и этимъ какъ нельзя лучше доказали свое полное незнакомство съ условіями жизни деревенской среды.

Затѣмъ всѣ эти изданія «для народа» обыкновенно были черезъ-чуръ дороги, совсѣмъ не по карману мужику. Маленькія, тощенькія брошюры стоили отъ 20 до 50 копѣекъ и дороже. Было бы, однако, совершенно несправедливо видѣть въ этомъ корыстные расчеты со стороны интеллигентныхъ издателей народныхъ книжекъ. При всѣмъ желаніи удешевить свои изданія, они не могли этого сдѣлать, главнымъ образомъ, потому, что, въ виду крайне ограниченнаго сбыта и распространенія, при-

*) Это, между прочимъ, давно повало дѣйствующее у насъ Библейское Общество, поставившее себѣ цѣлью распространеніе Священнаго Писанія. Находя по нѣкоторымъ причинамъ неудобнымъ воспользоваться для своихъ цѣлей офенями-коробейниками, Библейское Общество создало собственныхъ офеней, книговошъ грамотныхъ и начитанныхъ, которые обязываютъ и обходятъ Россію изъ конца въ конецъ. Такой книговоша получаетъ отъ общества 25 рублей жалованья въ мѣсяцъ, причѣмъ обязывается продать книгъ не мене какъ на 75 рублей въ мѣсяцъ. На самомъ же дѣлѣ каждый книговоша продаетъ гораздо больше; рѣдкій изъ нихъ не выручитъ 100—150 рублей, а нѣкоторые выручаютъ 200 р. и даже болѣе.

нуждены были печатать свои книжки въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ—одну, двѣ тысячи, не болѣе.

Наконецъ, и самая внѣшность этихъ изданій «для народа» не внушала довѣрія крестьянамъ и не располагала ихъ къ покупкѣ. Дѣло въ томъ, что народъ въ теченіе долгихъ лѣтъ уже приученъ лубочными издателями къ извѣстной внѣшности и даже къ извѣстному формату книжекъ. Ему нравятся ярко-раскрашенныя картинки, которыя всегда находятся на обложкахъ книжекъ, вышедшихъ изъ лавокъ «Никольскаго рынка». А тутъ какая-то сѣренькая, тусклая обложка прикрываетъ тощую, длинную и несладкую брошюрку; на обложкѣ, вмѣсто заманчиваго названія, возбуждающаго любопытство или фантазію, стоятъ какія-то непонятныя слова: «Изданіе Народной Библіотеки», или «Изданіе с.-петербургскаго комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Прочтеть эти слова мужикъ и задумается: что это такое? Что-то непонятное, чуждое, странное... и оставитъ книжку, не купитъ.

Постоянныя неудачи, которыя терпѣли интеллигентные издатели народныхъ книжекъ, заставили ихъ, наконецъ, обратить вниманіе на дѣятельность «лубочниковъ», изданія которыхъ обыкновенно расходились съ замѣчательною быстротой въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и составляли единственное чтеніе крестьянскаго населенія. Изъ интеллигентныхъ издателей народныхъ книжекъ г. Маракуевъ первый счелъ необходимымъ поближе ознакомиться съ дѣятельностью издателей «Никольскаго рынка».

Къ сожалѣнію, результаты своихъ наблюденій надъ лубочною торговлей г. Маракуевъ изложилъ *лишь въ самыхъ общихъ чертахъ* въ рѣчи *О школьныхъ бібліотекахъ*, прочитанной имъ въ 1883 году на съѣздѣ земскихъ учителей Московскаго уѣзда и вышедшей впоследствии отдѣльною брошюрой (Москва, 1884 г.). Очеркъ г. Маракуева о лубочной торговлѣ и издательствѣ, скомканный на пяти-шести страничкахъ брошюрки, не можетъ, конечно, дать сколько-нибудь полнаго и обстоятельнаго представленія объ этомъ предметѣ, хотя необходимо замѣтить, что, при всемъ томъ, очеркъ этотъ содержитъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній.

Между прочимъ, онъ указалъ на тѣ заслуги, которыя безспорно имѣютъ за собою «лубочники», а также отмѣтилъ ихъ замѣчательное умѣнье, опытность и практичность въ дѣлѣ изданія народныхъ книжекъ и ихъ распространенія. Можно было думать, что г. Маракуевъ воспользуется опытностью «лубочныхъ издателей», но, познакомившись съ его издательскою дѣятельностью, мы должны замѣтить, что этого совсѣмъ не замѣтно.

Начиная въ 1882 году издательскую дѣятельность, г. Маракуевъ слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ свою задачу: «цѣль изданія — распространить въ народѣ чрезъ посредство школъ, арміи и коробейниковъ дѣй-

ствительно хорошія книги, дать народу здоровую и разумную пищу, противодействовать книжной спекуляціи и лубочнымъ безграмотнымъ издателямъ». Такимъ образомъ, г. Маракуевъ задался двумя цѣлями: во-первыхъ, *издать* для народа полезныя книги и, во-вторыхъ, *распространить* эти книги въ народной средѣ. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса: могутъ ли изданія г. Маракуева служить народу действительно «здоровую и разумную пищу», но остановимся на томъ, что именно г. Маракуеву удалось сдѣлать для распространенія въ народѣ полезныхъ, по его мнѣнію, книгъ.

Дѣйствительно, ему удалось завязать кое-какія связи съ земствами, училищными совѣтами, со школами и библіотеками, удалось на первыхъ порахъ захватить кое-какихъ коробейниковъ, но онъ совсѣмъ не сѣумѣлъ воспользоваться тою широкою организаціей сбыта, которая давно уже существуетъ въ народѣ въ лицѣ цѣлой массы офеней, ходебщиковъ, «картинщиковъ» и друг. разношниковъ-продавцовъ, ежегодно совершающихъ путешествія, начиная отъ центровъ и кончая самыми отдаленными, захолустными концами Россіи.

Между тѣмъ, лубочные издатели, издатели «Никольскаго рынка», находятся въ самыхъ близкихъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ этою чисто-народною организаціей и благодаря именно ей распространяютъ свои изданія въ миллионномъ количествѣ экземпляровъ по всѣмъ концамъ и угламъ Россіи. Благодаря этимъ связямъ, изданія лубочниковъ дѣйствительно попадаютъ прямо въ деревню, въ руки настоящаго, сѣраго мужика. Чтобы «противодействовать» этимъ издателямъ, чтобы бороться съ ними, необходимо было, прежде всего, стать на одну съ ними почву, необходимо было воспользоваться ихъ же оружіемъ, пригодность котораго слишкомъ очевидна и несомнѣнна.

Нѣкоторые изъ лубочныхъ торговцевъ выражали г. Маракуеву готовность распространять его изданія, но при этомъ ставили условіемъ, чтобъ онъ измѣнилъ форматъ и внѣшній видъ своихъ изданій, по образцу лубочныхъ книжекъ. По какому-то странному упрямству г. Маракуевъ не согласился исполнить это условіе и, такимъ образомъ, лишился возможности распространить массу своихъ изданій въ той средѣ, для которой именно и предназначаются эти изданія. Для насъ, признаемся, совершенно непонятно, почему г. Маракуевъ такъ упорно стоитъ за *внѣшность* своихъ тощихъ, долговязыхъ и нескладныхъ книжекъ *).

Въ 1885 году г. Маракуевъ открылъ книжный магазинъ и при немъ складъ народныхъ изданій. Но и при этомъ онъ не избѣжалъ очень крупной ошибки: вмѣстѣ того, чтобы открыть магазинъ на Никольской, въ

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что, кромѣ формата и наружнаго вида обложекъ, книжки г. Маракуева со стороны внѣшности вполне удовлетворительны: обыкновенно онѣ изданы на хорошей бумагѣ и четкимъ шрифтомъ.

центрѣ народно-лубочной торговли, онъ открываетъ его въ Петровскихъ линіяхъ, куда, конечно, ни офени, ни мужики не заглядываютъ.

Въ результатѣ всего этого явилось то, что торговля народными книгами г. Маракуева пошла крайне туго и вяло, особенно съ появленіемъ «Посредника». Въ настоящее время г. Маракуевъ имѣетъ въ провинціи лишь нѣсколько десятковъ постоянныхъ коммиссіонеровъ и покупателей (опять-таки изъ интеллигенціи), а годовой оборотъ его не достигаетъ и 20,000 руб. *).

Но мы были бы несправедливы, еслибъ не отиѣтили одной положительной заслуги г. Маракуева: ему первому изъ интеллигентныхъ издателей удалось достичь значительнаго *удешевленія* книжекъ, предназначенныхъ для народа. Напримѣръ, извѣстный рассказъ графа Л. Н. Толстаго *Чѣмъ люди живутъ?* первоначально былъ изданъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ и продавался по 35 коп. за экземпляръ. Г. Маракуевъ издалъ этотъ рассказъ въ 1882 году и пустилъ его по 5 коп., т.-е. въ семь разъ дешевле.

Книжки «Ясной Поляны» продавались обыкновенно по 20 коп., а г. Маракуевъ началъ издавать и продавать ихъ по 5 коп., т.-е. въ четыре раза дешевле, и т. д. Этимъ пониженіемъ цѣнъ онъ нанесъ сильный ударъ издательской дѣятельности общества распространенія полезныхъ книгъ. Но вотъ явился «Посредникъ»—и ударъ нанесенъ г. Маракуеву.

«Посредникъ», сознавая силу и опытность лубочниковъ въ дѣлѣ изданія и распространенія народныхъ книжекъ, постарался сойтись и заключить союзъ для совмѣстной дѣятельности съ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей книжной лубочной торговли, г. Сытинимъ, располагающимъ огромными связями между офенями и разными провинціальными торговцами народныхъ книгъ **). Оставивъ за собою, главнымъ образомъ, право выбора литературнаго матеріала, право редактора, «Посредникъ» все дѣло печатанія и распространенія своихъ изданій всецѣло возложилъ на г. Сытина.

Результаты такого сближенія не замедлили обнаружиться: 1) изданія «Посредника» начали печататься въ огромномъ, неслыханномъ до тѣхъ поръ количествѣ экземпляровъ; 2) стоимость этихъ изданій была доведена до крайняго минимума, какъ это умѣютъ дѣлать только одни лубочные издатели; 3) благодаря тому, что книжкамъ «Посредника» была придана внѣшность лубочныхъ изданій, онѣ охотно, безъ всякаго предубѣжденія раскупались мужиками и, наконецъ, 4) при посредствѣ офеней и разныхъ мелкихъ торговцевъ книжки «Посредника» пошли прямо въ деревню, въ народъ.

*) По настоящее время г. Маракуевымъ издаво 54 народныхъ книжки, цѣною отъ 2 до 25 коп.

***) Число такихъ торговцевъ въ послѣднее время растетъ все болѣе и болѣе. Въ провинціальныхъ городахъ многіе лавочки, торгующіе посудой, желѣзомъ и т. п., начинаютъ торговать и книжками, получая ихъ изъ Москвы отъ нивольскихъ издателей.

II.

«Издатели съ Никольской».

«Издатели съ Никольской».... «писатели Никольскаго рынка».... «подворотные книгопродавцы».... «лубочныя картинки».... «лубочная литература».... ходябщики.... офени.... коробейники—это цѣлый міръ, въ высшей степени своеобразный, замкнутый и очень мало известный, хотя и представляющій громадное значеніе для всякаго, кому дороги и близки интересы и запросы умственной и нравственной жизни народа.

Правда, о лубочныхъ картинахъ мы имѣемъ прекрасное изслѣдованіе г. Ровинскаго; но, къ сожалѣнію, оно доведено только до 40-хъ годовъ. Что же касается лубочной литературы, ея исторіи и современнаго состоянія, то, какъ мы уже и замѣтили въ одной изъ своихъ статей *), она до сихъ поръ ждетъ своего изслѣдователя.

Наше интеллигентное общество съ давнихъ поръ усвоило себѣ за правило относиться къ лубочнымъ издателямъ и лубочной литературѣ не иначе, какъ съ презрительною насмѣшкой. Между тѣмъ, подойдя поближе къ этому міру, мы увидимъ далеко не одни только курьезы и недостатки, но и нѣчто такое, чему съ большою пользою могли бы поучиться интеллигентные люди. Примѣръ «Посредника» какъ нельзя лучше доказалъ это.

Въ то время, какъ интеллигентные издатели терпѣли постоянныя неудачи въ своихъ стремленіяхъ дать народу «хорошія книжки»,—народъ этотъ не могъ, разумѣется, оставаться совсѣмъ безъ книги, такъ какъ запросъ на чтеніе замѣтно возросталъ въ народной средѣ съ начала настоящаго столѣтія съ каждымъ десятилѣтіемъ. «Тогда на помощь къ народу, жаждущему духовной пищи, т.-е. книги, пришли люди изъ самаго народа, ибо всѣ настоящіе лубочные издатели есть, въ то же время, настоящіе мужики, умѣющіе едва-едва кое-какъ читать. Отсюда, съ перваго же времени, успѣхъ лубочника, ибо онъ зналъ, что издавать и какъ распространить изданное **).

Но нужно оговориться.

Публика обыкновенно смѣшиваетъ всѣхъ издателей Никольской улицы въ одну кучу: Манухина, Морозова, Ступина, Шарапова, Леукина, Абрамова, Сытина, Прѣснава, Губанова, Земскаго. Всѣхъ этихъ издателей публика (и не только публика, но и серьезные органы печати) честить «лубочниками» и сыплетъ на ихъ головы одни и тѣ же обвиненія, одиѣ и тѣ же насмѣшки.

На самомъ же дѣлѣ издатели Никольской улицы весьма рѣзко раздѣляются на двѣ совершенно отличныя одна отъ другой группы. Одна изъ этихъ группъ имѣетъ дѣло исключительно съ народомъ, съ деревней, съ

*) Русскія Вѣдомости 1887 г., № 64.

**) В. Маракучевъ: «О школьныхъ библіотекахъ».

селоми; другая же, главнымъ образомъ, съ низшими классами городского населенія. Поэтому, если издатели первой группы могутъ быть названы «народными» (сами они такъ и называютъ себя), то издателями второй группы можетъ быть присвоено названіе «ищанскихъ» издателей.

Дѣятельность народныхъ или такъ называемыхъ «лубочныхъ» издателей сосредоточилась, главнымъ образомъ, около Ильинскихъ воротъ и историческаго «Пролома»; здѣсь свили себѣ гнѣздо всѣ наиболѣе крупныя издательскія фирмы этого рода: П. Н. Шарапова, теперь О. В. Лужаной, Сытина и К°, Губанова, И. А. Морозова и Абрамова *).

Дѣятельность свою они начали съ изданія картинъ для народа. «По естественному ходу человѣческаго развитія, картина (изображеніе предмета) предшествовала описанію (книгѣ). Поэтому въ прежнія времена торговля лубочниковъ, главнымъ образомъ, была картинами, такъ какъ изображеніе какого-нибудь событія въ формѣ картины доступно каждому безграмотному, описаніе же предмета доступно болѣе развитому человеку, грамотному. Отсюда естественное предпочтеніе нашего простолюдина картины передъ книгой» **). И дѣйствительно, только въ рѣдкой избѣ вы не встрѣтите картинъ, которыми каждый мужикъ обыкновенно при первой же возможности спѣшитъ украсить стѣны своего жилья.

Чтобы поближе познакомить читателей съ «лубочниками», считаемъ не лишнимъ остановиться на болѣе характерныхъ представителяхъ этого типа.

Вотъ, напримѣръ, въ нѣсколькихъ словахъ, біографія одного изъ народно-лубочныхъ издателей-книгопродавцевъ, М—ва. Родомъ М—въ изъ бѣдной крестьянской семьи Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. До девятнадцати лѣтъ М—въ прожилъ на родинѣ, работая «около дома», на родную семью. Парень онъ былъ здоровый и сильный—«быка кулакомъ сшибетъ». Нигдѣ, разумѣется, не учился, такъ какъ въ то время школъ въ деревняхъ почти совсѣмъ не существовало и грамотность среди мужиковъ была очень большою рѣдкостью. Когда въ деревнѣ стало «жить не у чего», М—въ отправился искать счастья въ Москву.

Девятнадцать лѣтъ, пѣшкомъ, въ лаптяхъ, пришелъ онъ въ бѣлокаменную и здѣсь, прежде всего, конечно, столкнулся съ вопросомъ: чѣмъ жить, чѣмъ кормиться? А денегъ въ карманѣ всего только двадцать копѣекъ. М—въ дѣлаетъ лотокъ изъ лубка, покупаетъ нѣсколько пучковъ зеленаго луку и начинаетъ «торговлю». Съ ранняго утра до позднаго вечера обходить онъ улицы и площади Москвы, съ крикомъ: «луку, луку зеленаго!» Не трудно представить себѣ, сколько нужды и всякаго рода

*) Что касается петербургскихъ лубочниковъ (Кузинъ, Шатаевъ и др.), то они вообще весьма мало и неохотно занимаются издаваемъ книгъ и предпочитаютъ торговать московскими изданіями, покупая ихъ, главнымъ образомъ, у Сытина.

***) В. Маракуевъ: «О школьныхъ бібліотекахъ».

лишеній приходилось испытать при подобной «торговлѣ». Отъ луку М—въ переходить къ колбасѣ, сайкамъ горячимъ и т. д.

Затѣмъ онъ мѣняетъ занятіе и, бросивъ торговлю, начинаетъ чеканить пуговицы на машинкѣ собственнаго издѣлія. Наконецъ, обзаведясь ручнымъ станкомъ, М—въ началъ дѣлать на лубкѣ картины. Это послѣднее производство пошло у него успѣшно и, постепенно разрастаясь, приносило ему хорошій доходъ. Тогда только выучился онъ кое-какъ читать и подписывать свою фамилію. Какъ разъ около этого времени подошла крымская война, — торговля картинами необыкновенно оживилась, какъ это всегда наблюдается во время войны. Когда въ народѣ усилилось требованіе на книги, М—мъ началъ печатать книжки, — сказки, оракулы и житія. Дѣло его все разрасталось и разрасталось.

Теперь М — въ московскій купецъ, имѣеть огромный каменный домъ на бойкомъ мѣстѣ, большую литографію, книжную лавку и т. д. Самъ онъ теперь уже мало занимается книжнымъ дѣломъ, передавши его сыновьямъ. Однако, и до сихъ поръ онъ внимательно слѣдитъ за всѣмъ, что появляется новаго въ области народно-лубочной литературы. Правда, отъ лѣтъ, глаза его притупились и онъ не въ состояніи самъ читать книгъ, но обыкновенно онъ заставляетъ читать вслухъ кого-нибудь изъ своихъ домашнихъ или служащихъ, а самъ сидитъ и всегда очень внимательно слушаетъ.

М—овъ человекъ стараго времени; начало его дѣятельности по изданію народныхъ картинъ и книгъ относится еще къ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ. Но вотъ обращикъ «народнаго издателя» самаго послѣдняго времени, восьмидесятихъ годовъ, Гу—овъ.

Гу—овъ—крестьянинъ Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи; долгое время онъ былъ ходябщикомъ, расхаживая и разъѣзжая съ картинками и книжками по разнымъ мѣстамъ Россіи. Расторговавшись и сколотивши небольшой «капиталець», онъ задумалъ открыть книжную лавку въ Москвѣ и, въ то же время, заняться издательствомъ картинъ и книгъ для народа. Приступая къ этого рода дѣятельности, онъ не могъ, разумѣется, не сознавать своей безграмотности, но обстоятельство это, повидимому, совсѣмъ не смущало его. Безъ сомнѣнія, его ободрялъ примѣръ другихъ лубочныхъ издателей, его предшественниковъ, которые, несмотря на свою безграмотность, какъ нельзя болѣе преуспѣвали въ коммерческомъ отношеніи.

Въ 1881 году Гу—овъ переселяется въ Москву и покупаетъ здѣсь книжную лавку у Пономарева, который, имѣя свою типографію, занимался изданіемъ и торговлею народныхъ книгъ. Сдѣлавшись книгопродавцемъ, Гу—овъ слѣдуетъ обзавестись *собственными* изданіями народныхъ книгъ и картинъ, безъ чего почти немислима лубочная книжная торговля. И вотъ начинается усиленная фабрикація «божественныхъ» и «свѣтскихъ» картинъ, а также «житій», оракуловъ, «Соломоновъ», сонни-

ковъ, «романовъ» и т. д. Все это редактируется лично самимъ Гу—овымъ, несмотря на то, что вся его грамотность ограничивается умѣньемъ «приложить руку», то-есть кое-какъ подписать свою фамилію.

Въ виду этого, казалось бы, можно было съ увѣренностью рассчитывать на полное и неминуемое фіаско издательской попытки Гу—ова, однако, на дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Напротивъ, съ самаго начала его предпріятія по изданію народныхъ книгъ и картинъ дѣла его пошли какъ нельзя лучше и торговля съ каждымъ годомъ развивалась и до сихъ поръ развивается все болѣе и болѣе. Теперь у Гу—ова свои лавки: въ Москвѣ, въ Казани, Кіевѣ и Воронежѣ. Уже изъ одного этого факта можно видѣть, какъ быстро и широко разросся районъ его дѣятельности.

Чѣмъ же объясняется подобный успѣхъ? Исколесивъ десятки разъ, въ качествѣ коробейника, почти всю Россію, Гу—овъ до тонкости могъ изучить тѣ требованія, которыя въ разныхъ мѣстахъ предъявляютъ крестьяне къ офенямъ. На мѣстѣ, непосредственно отъ самихъ мужиковъ и бабъ, онъ могъ доподлинно узнать, какія именно книжки и картины больше всего нравятся въ деревнѣ и какія охотиѣ покупаются крестьянами, фабричными, раскольниками, различными инородцами и т. д. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ полную возможность изучить разнообразные оттѣнки вкусовъ, привычекъ, требованій и желаній различныхъ слоевъ и элементовъ деревенскаго населенія. Это разъ.

Далѣе, успѣхомъ своимъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, тѣмъ связямъ, которыя были у него среди офеней, населяющихъ Алексинскій уѣздъ, Тульской губерніи. Ему не стоило большаго труда привлечь къ себѣ этихъ офеней и они охотно пошли къ своему земляку, какъ только онъ открылъ свою торговлю. Лично и хорошо зная всѣхъ этихъ офеней, онъ могъ безошибочно опредѣлить, насколько каждый изъ нихъ заслуживалъ довѣрія, и, сообразно этому, открывалъ имъ кредитъ, который въ дѣлѣ книжной лубочной торговли играетъ весьма важную роль,—едва ли не большую, чѣмъ во всякой другой торговлѣ.

Приступая къ изданію народныхъ книгъ, Гу—овъ былъ, конечно, далеко отъ мысли воспитывать народъ своими изданіями или развивать въ немъ тѣ или другія стороны ума или характера, сообщать полезныя свѣдѣнія и вообще такъ или иначе вліять на народъ. Нѣтъ, всѣ его старанія сводились только къ тому, чтобы приноровиться ко вкусамъ, поддѣлаться подъ требованія того люда, для котораго предназначались изданія; онъ руководствовался чисто-практическими цѣлями, цѣлями наживы, и старался давать только то, на что было больше требованія, что всего охотиѣ покупалось мужикомъ. Это же самое слѣдуетъ сказать и относительно всѣхъ другихъ народно-лубочныхъ издателей.

Наболѣе отсталымъ изъ народныхъ издателей является Аб—овъ.

«Это самый сильный изъ всѣхъ нивольскихъ издателей,—отзываются о немъ его сотрудники.—Всего два рубля за листовку платить; больше ни за что не дасть... «Я, говорить, и безъ васъ обойдусь... очень вы мнѣ нужны... заставляю своихъ молодцовъ, они не хуже васъ сочинять...» И что-жь бы вы думали? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, заставляетъ своихъ молодцовъ сочинять книги для народа. А молодцы его едва-едва грамотѣ знаютъ».

Этотъ же Аб—овъ особенно безцеремонно пользуется для своихъ книжекъ «заимствованіями» изъ разныхъ чужихъ изданій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напримѣръ, онъ издалъ «юмористическій рассказъ»: *Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пьсенки поетъ*. Оказывается, что это почти дословная перепечатка извѣстнаго рассказа Гл. Ив. Успенскаго. Вся разница состоитъ въ томъ, что Аб—овъ въ своемъ изданіи, вмѣсто слова «корридорный», поставилъ «половой», вмѣсто «запричалъ»—«загорланилъ», вмѣсто «отвѣтилъ»—«гаркнулъ», вмѣсто «честь имѣю»—«имѣю честь» и т. д., все въ этомъ родѣ.

Характерною особенностью народно-лубочной литературы, между прочимъ, является огромное изобиліе вариантовъ одного и того же произведенія. Почти каждая сказка, каждый рассказъ или романъ имѣютъ по нѣскольку вариантовъ. И чѣмъ болѣе успѣхъ имѣетъ та или другая книжка, тѣмъ болѣе число подражаній вызываетъ она; для примѣра укажемъ на слѣдующія произведенія: *Юрій Милославскій, Князь Серебряный, Битва русскихъ съ кабардинцами, Конекъ-Горбунекъ, Солдатъ Яшка—красная рубашка* и т. д. Почти каждый лубочный издатель имѣетъ «своего собственнаго» *Князя Серебрянаго*, своего собственнаго *Юрія Милославскаго* и т. д.

Такъ было прежде, такъ и теперь. Едва появился, напримѣръ, рассказъ Пастухова о *Разбойникѣ Чуркинѣ*, какъ немедленно же появляется цѣлый рядъ вариантовъ *): *Разбойникъ Чуркинъ*—въ изданіи И. А. Морозова, *Разбойникъ Чуркинъ или кровавая расплата*—изданіе Шарапова, *Разбойникъ Чуркинъ въ плъну у черкесовъ*—изданіе Губанова, *Страшный разбойникъ Чуркинъ—приключенія его въ острогѣ, на каторгѣ, въ рудникахъ, его бѣство изъ Сибири, жизнь его въ юродахъ и страшный конецъ его ужасной жизни*—изданіе В. Пономарева; наконецъ, появляется *Жена разбойника Чуркина* и т. д.

Необыкновенно быстрое развитіе народно-лубочной литературы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Еще недавно (лѣтъ 10—15 назадъ) годовой оборотъ лубочнаго издателя-книгопродавца обыкновенно колебался отъ 20 до 30 тысячъ рублей. Только одинъ П. Н. Шараповъ—

*) Первоначально *Разбойникъ Чуркинъ* печатался въ *Московскомъ Листкѣ* и уже въ это время имъ зачитывались фабричные рабочіе и т. п. людъ.

наиболѣе старинная изъ существующихъ лубочныхъ фирмъ—торговалъ на 50,000 рублей въ годъ. Въ настоящее же время одинъ г. Сытинъ дѣлаеть оборотъ на 300,000 рублей въ годъ, попрежнему, продолжая вести дѣло почти исключительно съ деревней, съ народомъ.

Успѣхъ г. Сытина въ качествѣ издателя-книгопродавца можетъ служить лучшею иллюстраціей къ нашимъ словамъ о быстромъ развитіи народно-лубочной литературы и о пробудившемся въ народѣ запросѣ на чтеніе. Еще недавно, какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ тому назадъ, г. Сытинъ былъ мелкимъ прикащикомъ въ книжной лубочной лавкѣ Шарапова, теперь же онъ стоитъ во главѣ фирмы, располагающей огромною типографіей, едва ли не самою большою въ Москвѣ, литографіей, двумя книжными магазинами и т. д. Фирма имѣеть до 2,000 постоянныхъ покупателей изъ офеней и мелкихъ и крупныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ; обороты ея растутъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Обыкновенно, изданія, предназначаемыя для народнаго чтенія, выходятъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Самое *меньшее* количество экземпляровъ, въ какомъ печатается народная книжка, это—12,000 экземпляровъ или десять «заводовъ». Чаше же лубочные издатели печатаютъ свои книжки въ 20, 30, 40 и 50 тысячахъ экземпляровъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда издатель заранѣе увѣренъ въ успѣхѣ книжки, онъ печатаетъ ее въ количествѣ 80,000 экземпляровъ и даже болѣе. При этомъ нѣкоторые изданія въ теченіе одного года выходятъ два-три раза.

Предназначенные для распространенія среди народа дешевые календари (въ 5, 10, 15 коп.) издаются обыкновенно въ количествѣ 200,000—300,000 экземпляровъ. Болѣе же упрочившіеся календари въ ту же цѣну печатаются обыкновенно въ количествѣ 500,000—600,000. Наконецъ, есть календари, которые печатаются въ миллионномъ количествѣ экземпляровъ. И все это немедленно же расходится, немедленно же находитъ себѣ сбытъ. Народно-лубочные издатели даже не знаютъ, что значить залежавшееся, не нашедшее сбыта изданіе. Такихъ у нихъ нѣтъ и не бываетъ. Что бы они ни издали, какъ бы плохо ни было это изданіе, оно, во всякомъ случаѣ, непременно разоидется, и, притомъ, разоидется не иначе, конечно, какъ въ народной средѣ *).

III.

Литература улицы.

По сосѣдству съ чисто-народными издателями размѣстились по Никольской улицѣ другаго рода издатели, которые почти ничего общаго съ

*) *Русскія Вѣдомости* 1887 г., № 141.

деревней не имѣють, но удовлетворяють требованія, главнымъ образомъ, низшихъ слоевъ городского населенія. Прикащики, мѣщане, мелкіе торговцы, модистки, лакеи, швейцары—вотъ публика, которой служатъ эти издатели. Прѣсновъ, Леухинъ и Земскій являются главными представителями этой группы.

Эти господа преимущественно издають разныя *Настольныя книги холостымъ, съ общепонятными рисунками, Записки для молодыхъ людей, желающихъ въ свѣтъ сдѣлаться ловкими и образованными, Руководства къ выбору женъ, разные Ключи къ женскому сердцу, Наставленія женщинамъ, какъ нравиться мужчинамъ, и наоборотъ: Наставленія мужчинамъ, какъ нравиться женщинамъ, Письмовники—самые подробныя—дѣловыя, любовныя и т. д.*

Они же особенно охотно издають сборники разныхъ шансонетовъ, куплетовъ и романсовъ, непременно «жестокыхъ, сердцещипательныхъ». Сборники эти обыкновенно носятъ громкія, заманчивыя заглавія, въ такомъ, напримѣръ, родѣ: *Бездна удовольствій для молодыхъ людей, любящихъ повеселиться*, и т. д. Изъ иностранныхъ романистовъ болѣе всего предпочитаютъ Поль-де-Кока *)... И такъ изъ года въ годъ!

Чтобъ убѣдиться, что мы не преувеличиваемъ, стѣдуетъ только заглянуть въ каталоги этихъ издателей. Вотъ, напримѣръ, каталогъ г. Прѣснова, книжный магазинъ котораго существуетъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Посмотримъ, чѣмъ онъ угощаетъ свою публику. Прежде всего, бросается въ глаза напечатанное жирнымъ шрифтомъ слѣдующее объявленіе: *Дамскій угодникъ. Практическіе уроки въ волокитствѣ и ухаживаніи за молодыми женщинами. Погоня за прекраснымъ поломъ и побѣда надъ нимъ. Атака женскаго сердца. Тактика волокиты. Что нравиться женщинамъ въ пожиломъ и некрасивомъ мужчинѣ. Любовныя письма и записочки.* Всѣ эти прелести стоятъ 1 рубль, въ красивомъ переплетѣ 2 рубля.

По сосѣдству съ *Дамскимъ угодникомъ* читаемъ: *Роль мужчины въ свѣтъ. Учитель молодыхъ людей изысканнымъ манерамъ, граціознымъ движеніямъ, элегантному обращенію, свѣтской въжливости и изящному вкусу, придворному этикету и наружному блеску, составляющихъ главную (!) принадлежность каждому образованному челоуѣка въ средѣ аристократическаго общества.*

Далѣе идутъ всевозможные самоучители: *Искусство сдѣлаться даровитымъ писателемъ стиховъ и прозы. Легкій способъ безъ всякаго образованія выучиться въ нѣсколько уроковъ мастерски и литературно сочинять лирическія(е), сатирическія(е) и юмористическія(е) стихотво-*

*) Напримѣръ, *Дѣвочка, которая домо считалаеъ за мальчику*, изд. Прѣснова, и т. д.

творенія, куплеты и шансонетки, романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены, пьесы и т. д. Учителя словесности И. Погорѣльскаго. Или: *Новая метода: не учившись живописи, быть живописцемъ, художникомъ или фотографомъ. Искусство сдѣлаться замѣчательнымъ художникомъ посредствомъ новооткрытаго зеркала.* Далѣе: *Опытный руководитель для тѣхъ, кто хочетъ сдѣлаться истиннымъ, настоящимъ актеромъ-артистомъ, и, наконецъ, Практическіе уроки играть въ карты и не проигрывать* и т. д.

Всѣ эти книги значатся въ отдѣлѣ «Искусства»; что же касается «научнаго» отдѣла, то въ немъ главное мѣсто занимають лечебники и разнаго рода якобы «медицинскія сочиненія», напримѣръ: *Русскій лечебникъ*, сочиненный докторомъ медицины Лаевскимъ, который, по словамъ объявленія, «помѣщенными въ *Лечебникъ* средствами вылечилъ около 34,000 человекъ». Тутъ же: *Вѣрныя средства для роженія волосъ... и для воспроизведенія ихъ на черепахъ самыхъ мысей.* Кромѣ массы содержащихся въ книгѣ радикальныхъ средствъ, авторъ знакомитъ насъ съ китайскимъ способомъ окрашиванія волосъ посредствомъ пищи и питья. Тайна этого секрета куплена кантонскимъ епископомъ Имбертомъ у китайскаго бонзы (жреца) за кучу золота.

Но бѣдшая часть медицинскихъ сочиненій относится къ области половыхъ сношеній, какъ, напримѣръ: *Практическія врачевныя и невращевныя наставленія вступившимъ въ бракъ, Докторъ холостыхъ мужчинъ, Самоучитель леченія секретныхъ болѣзней, Картины послѣдствій разврата, Проституція и сифилисъ* и т. д., и т. д.

Въ то время, какъ «народные издатели» принимаютъ всѣ мѣры къ возможному удешевленію своихъ книжекъ, зная по собственному опыту, какъ дорогъ для мужика каждый грошъ,—издатели à la Земскій ни мало не заботятся о дешевизнѣ своихъ изданій. Рубль, два, три рубля—обыкновенныя цѣны въ каталогахъ гг. Прѣснова, Земскаго и К^о.

Къ этой же группѣ «мѣщанскихъ издателей», поставщиковъ «улицы», слѣдуетъ отнести и г. Манухина, пріобрѣвшаго столь громкую и столь печальную извѣстность. Теперь онъ совершенно разорился и недавно принужденъ былъ прекратить свою издательскую и книгопродавческую дѣятельность. Угостивъ еще разъ своихъ покупателей «веселыми рассказами» Миши Евстигнѣева, вродѣ *Два туза и пиковая дама или герои стуколки*, и «маленькимъ романомъ» того же автора: *Камелія по неволѣ*, онъ принужденъ былъ ликвидировать свои дѣла. «Товаръ», наполнявшій его лавку, начиная съ разныхъ *Ключей къ женскому сердцу* и кончая *Бездною удовольствій для молодыхъ людей, любящихъ повеселиться*, распроданъ на вѣсъ, и самая лавка его заколочена, вывѣска снята. Sic transit gloria mundi!

IV.

О ф е н и.

Мальчикъ-сударикъ,
 купи букварикъ!
 Отцы почтенны!
 Книжки не цѣнны:
 По гривнѣ штука—
 Дѣткамъ наука!

Дядюшка Яковъ Некрасова.

Главная сила народно-лубочныхъ издателей заключается въ той организаціи сбыта, которому они располагаютъ и которая состоитъ изъ цѣлой арміи офеней, ходобщиковъ и коробейниковъ. Поэтому каждый изъ народныхъ издателей старается во что бы то ни стало заручиться возможно большимъ числомъ покупателей изъ офеней. Послѣднихъ они привлекаютъ къ себѣ всевозможными способами: широкимъ кредитомъ на возможно-льготныхъ условіяхъ, трактирными угощеніями, подарками и т. д. Размѣры оборотовъ народнаго издателя-книгопродавца непосредственно зависятъ отъ числа офеней, которые имѣютъ съ нимъ дѣло. Потерять офеней для «лубочнаго» издателя значитъ разориться.

Отсюда видно, какую важную роль играютъ офени въ дѣлѣ книжной народно-лубочной торговли: отъ нихъ зависитъ проведеніе въ народную среду того или другаго изданія и распространеніе этого изданія въ народѣ. Они являются почти единственными посредниками между народомъ и печатнымъ словомъ, литературой. Пусть плоха, пусть неудовлетворительна эта литература, но это ужъ не вина офеней.

Офени встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Мы укажемъ здѣсь только главныя гнѣзда ихъ. Старинные, «коренные» офени живутъ во Владимірской губерніи, главнымъ образомъ, въ Вязниковскомъ уѣздѣ, около слободы Мстеры. Затѣмъ въ той же губерніи довольно много офеней живетъ въ Судогодскомъ и Ковровскомъ уѣздахъ.

Другое гнѣздо офеней находится въ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губ. Эти офени, бывшіе крестьяне графа Шереметева, торгуютъ преимущественно картинами, съ которыми ѣздятъ по всей Россіи и даже за границу, въ славянскія земли: Болгарію, Сербію и т. д. Въ особенности проныкли они въ эти мѣста во время послѣдней турецкой войны. Офени до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о бойкой торговлѣ, которая шла у нихъ во время войны и въ первое время по ея окончаніи. Особенно сильно раскупались тогда картины, изображавшія различные эпизоды изъ исторіи войны (взятіе Плевны, Шипки, Карса и т. п.) и портреты наиболѣе отличившихся генераловъ: Скобелева, Гурко и т. д. «Заработали мы тогда копѣчку»,— съ довольнымъ видомъ говорятъ офени, припоминая свои барыши за время войны.

Затѣмъ офени встрѣчаются въ губерніяхъ: Орловской, Московской

(въ Серпуховскомъ и отчасти въ Подольскомъ уѣздахъ), Рязанской, Смоленской, Вятской, а также на Дону и въ другихъ мѣстахъ.

Въ умственномъ отношеніи офени, по свидѣтельству г. Н. Трохимовскаго, стоятъ значительно выше своихъ собратій крестьянъ и послѣдніе сами признають за ними преимущество ума и наметанности. «У крестьянъ неофеней офеня въ уваженіи, не только какъ человекъ, имѣющій больше денегъ, чѣмъ они, но и какъ человекъ, у котораго можно и совѣта попросить, который много видѣлъ и можетъ поразсказать о многомъ такомъ, о чемъ сѣрому мужику и во снѣ не снилось» *).

Куда только ни проникають офени съ своими «лубочными» коробами, наполненными картинками и книжками! Вы можете встрѣтить ихъ и на Кавказѣ, и за Кавказомъ, и въ Восточной Сибири, и въ Туркестанѣ, и въ Румыніи, и въ Болгаріи, и въ Сербіи, и даже въ Турціи.

Въ *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи* (томъ шестой, выпускъ первый) находимъ интересную статью, знакомящую съ промысломъ офеней Московской губерніи, которые здѣсь называются *картинщиками*. «Картинщики, несмотря на свое названіе, имѣютъ дѣло далеко не съ одними только картинками: у нихъ можно найти и разныя дешевыхъ изданій книжки, брошюрки, можно найти и ленточки, и крестики, и пуговицы, и проч. мелочной товаръ. Но такъ какъ этотъ мелочной товаръ имѣетъ меньшее значеніе въ ихъ торговыхъ операціяхъ, нежели картины, то, вѣроятно, поэтому они получили исключительное названіе картинщиковъ».

Товаръ свой картинщики закупають въ Москвѣ, на Никольской улицѣ и въ игольномъ ряду; болѣею частью прямо на чистыя деньги. Самый бѣдный изъ нихъ покупаетъ товара не менѣе какъ рублей на 25. Со втораго Спаса, то-есть послѣ 6 августа, картинщики трогаются въ свой дальній путь. До проведенія желѣзныхъ дорогъ, картинщики обыкновенно ѣздили на лошадаяхъ; въ настоящее же время они отправляются по желѣзнымъ дорогамъ.

По словамъ автора статьи (И. П. Боголѣпова), одни изъ картинщиковъ ѣдутъ въ южныя губерніи, другіе на Кавказъ и за Кавказъ, въ Грузію, третьи въ Сибирь и доходятъ до Иркутска; иные же направляются въ Польшу и остзейскія губерніи. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ картинщиковъ бывали за Дунаемъ, торговали въ разныхъ мѣстахъ Турціи, даже пробрались въ Австрію, но здѣсь имъ не повезло: за несоблюденіе какихъ-то формальностей картинщики были выпровождены оттуда австрійскими властями.

Прибывъ въ извѣстное уже по прежнимъ поѣздкамъ мѣсто, въ тотъ или другой, допустимъ, городъ, хозяинъ, прежде всего, нанимаетъ квартиру. Затѣмъ часть привезеннаго товара онъ дѣлитъ между своими ра-

*) *Русскій Вѣстникъ* 1896 г., № 6.

ботниками, и тѣмъ изъ нихъ, которые получаютъ большое жалованье, онъ даетъ много товара, иногда до 7 пудовъ. Малолѣткамъ же и близкимъ работникамъ, которые получаютъ у него невысокое жалованье, онъ даетъ въ руки только 20—30 картинъ, кромѣ того, изъ мелочи три-четыре книжки и нѣсколько дюжинъ пуговокъ. Послѣ того хозяинъ назначаетъ, кому изъ его работниковъ слѣдуетъ куда идти, и опредѣляетъ для каждаго изъ нихъ время возвращенія—«явгу», какъ говорятъ картинщики.

Рабочихъ своихъ хозяинъ отпускаетъ иногда версть за 200 и 300; только одни малолѣтние, такъ сказать, ученики «картиночнаго» промысла, не посылаются далеко: «ихъ дѣло походить объапола». Сами хозяева обыкновенно остаются на мѣстѣ; только самые бѣдные изъ нихъ, имѣющіе одного-двухъ рабочихъ, принимаютъ личное участіе въ торговлѣ. «Отпуская на дѣло своихъ молодцовъ, хозяева не ассигнуютъ имъ никакой суммы на содержаніе: рабочіе должны содержать себя на излишекъ, какой они могутъ получить при продажѣ товара, противъ хозяйской раздѣлки» *).

Интересны основанія этой раздѣлки. Производится она очень просто, а именно: за все назначаются *двойныя цѣны*. Напримѣръ, за «простовиковый» сортъ картинъ, стоящій самому хозяину 1½ коп. за штуку, онъ назначаетъ по 3 коп. за штуку; за «литографный» сортъ, цѣна которому 5—8 коп., онъ владеть 10—16 коп. Такой же расчетъ принимается къ книжкамъ и къ прочему товару. Слѣдовательно, работникъ отъ каждаго товара долженъ представить хозяину ни болѣе, ни менѣе, какъ 100% барыша. Уже отсюда можно видѣть, сколько приходится переплачивать мужикамъ при покупкѣ книгъ и картинъ.

Въ прежнее время офени производили свою торговлю совершенно свободно. Какъ «птицы перелетныя» кочевали они изъ конца въ конецъ по матушкѣ Россіи. Но съ половины шестидесятыхъ годовъ, и именно со времени изданія въ 1865 году закона съ новыми правилами относительно типографій, литографій и книжной торговли, дѣятельность ихъ обставляется разными стѣснительными условіями. Въ силу этихъ правилъ, офени, прежде всего, обязываются достать отъ волостныхъ правленій особыя удостовѣренія о своей подной благонадежности и о томъ, что они не состояли и не состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ. Затѣмъ они должны были подать прошеніе уѣздному исправнику о выдачѣ свидѣтельства на право торговли книгами.

Правила эти на практикѣ повлекли за собою множество стѣсненій и послужили поводомъ для разнаго рода злоупотребленій со стороны уѣздныхъ и сельскихъ властей. По свидѣтельству г. Голышева, «офени,

*) *Оборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ., томъ шестой, выпускъ первый, стр. 106.*

Благодаря этимъ правиламъ, попали въ такое положеніе, что сначала ихъ отбирали за написаніе прошеній и выдачу удостовѣреній въ волостныхъ правленіяхъ, а потомъ у уѣздныхъ исправниковъ канцеляристы. Свидѣтельства выдавались только на свой уѣздъ и всего на одинъ годъ; но были лица, которые выдавали и на болѣе краткіе сроки, просто какіе ни въ здумается. Напримѣръ, юрьевскій уѣздный исправникъ выдалъ одному крестьянину свидѣтельство всего *на три дня*. Между тѣмъ, въ законѣ не упомянуто о срокѣ и потому свидѣтельства могли быть безсрочными. Постановленіе это вызвало новые источники доходовъ на счетъ расходовъ офеней; въ то же время, свидѣтельства эти оказались вполне неприложимыми къ торговлѣ офеней*).

И это вполне, конечно, понятно, такъ какъ офени не ограничиваются ходженіемъ по одному какому-нибудь уѣзду или губерніи, а ходятъ буквально по всей Россіи, не исключая Сибири, Кавказа, Польши, Туркестана и т. д. «При такихъ условіяхъ офенямъ, разумѣется, нѣтъ возможности запасаться свидѣтельствами въ каждомъ новомъ уѣздѣ. Формальности породили множество неудобствъ, изъ которыхъ выхода не оказывалось. Офени перебивались какъ могли; многіе изъ нихъ вынуждены были бросить торговлю».

Въ 1875 году владимірское земство, по предложенію гласнаго И. А. Толышева, ходатайствовало передъ правительствомъ относительно облегченія правилъ книжной торговли для офеней. Къ сожалѣнію, въ то время ходатайство земства уважено не было; поэтому офени бѣдствовали попрежнему. «Горе было тому торгашу-офенѣ, который по старой привычкѣ отправлялся торговать безъ свидѣтельства; такихъ преслѣдовали становые, старшины, старосты, сотскіе, десятскіе, писаря. Съ учрежденіемъ же института урядниковъ послѣдніе преслѣдовали еще усерднѣе и рьянѣе. Зачастую офени отдѣлывались подачками; говорятъ, для послѣднихъ болѣе и осаждаютъ, благо предлогъ есть. Если миролюбивая сдѣлка не могла состояться, то у офени отбирали товаръ и тащили, какъ какого-либо уголовного преступника, въ полицію. Здѣсь не торопясь, съ подобающею важностью и проволочкою разсматривали книжки: попавшюся по вкусу безъ церемоніи брали себѣ; иногда конфисковали и весь товаръ. Затѣмъ писались протоколы, которые передавались мировымъ судьямъ, а послѣдніе не спѣша вызывали въ суду и усердно налагали штрафы. Товаръ въ самомъ жалкомъ видѣ, уже, конечно, не въ цѣлости, возвращался хозяину. Между тѣмъ, офенѣ дорогъ въ пути не только день, но и часъ, и тутъ ему приходилось, вмѣсто торговли, съ лошадыю и работникомъ, скрѣпя сердце, ожидать продолжительное время, пока разберутъ и разсмотрятъ самый простой, невинный товаръ».

Тяжесть этихъ придиорокъ и проволочекъ особенно увеличивалась, бла-

*) Русская Старина 1886 г., № 3.

годаря невѣжеству «досмотрщиковъ», т.-е. урядниковъ, становыхъ и т. п. По словамъ г. Голышева, «эти провинціальныя блюстители законовъ о печати выказывали такое непониманіе въ книжномъ дѣлѣ, что рѣшительно сами не знали, что они отбираютъ и что преслѣдуютъ. Если бы имъ случилось у офени встрѣтить книжку, выпущенную безъ предварительной цензуры, какъ заключающую въ себѣ болѣе 10 печатныхъ листовъ и не имѣющую словъ: «дозволено цензурою», то ее приняли бы за преступную находку, торговца преслѣдовали бы строгаише за распространіе безцензурныхъ изданій».

Этимъ, между прочимъ, объясняется тотъ фактъ, что офени крайне неохотно и только въ рѣдкихъ случаяхъ берутъ для продажи книги, на которыхъ нѣтъ надписи: «дозволено цензурою». Зная это, и народныя издатели избѣгаютъ выпускать книги толще десяти листовъ, безъ предварительной цензуры.

Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Голышевъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, рисующихъ крайне низкое умственное развитіе «провинціальныя блюстители законовъ о печати». По его словамъ, «одинъ становой и, притомъ, не въ глухой какой-либо губерніи, а въ бойкой мѣстности, терминъ «кустарная промышленность» понималъ въ смыслѣ древесныхъ породъ и отчислялъ его чуть ли не къ *розамъ*».

Шесть лѣтъ тому назадъ «послѣдовало нѣкоторое измѣненіе: офеней обязали взаменъ прежнихъ свидѣтельствъ получать свидѣтельство на право торговли отъ губернатора. Казалось бы, измѣненіе это должно было облегчить положеніе офеней, но на практикѣ обнаружилось совсѣмъ противное. Легко сказать, — говорить г. Голышевъ, — «получить свидѣтельство отъ губернатора», но достать такое очень и очень трудно. Для этого необходимо представить приговоръ отъ общества о благонадежности и прочихъ преимуществахъ. Но многіе ли знаютъ, какъ трудно выхлопотать такую меморію? Увольнительныя и приемыя приговоры крестьянъ сопряжены и съ расходами, и съ пьянствомъ, и съ нравственною пыткой. Затѣмъ, далѣе, слѣдуютъ справки и дознанія чрезъ становаго и, въ концѣ-концевъ, выдадутъ ли дозволеніе, или нѣтъ — это еще вопросъ».

Чтобы получить общественный приговоръ, «необходимо улагодворить писарей, старость, старшинъ, поставить всему обществу водки, да напоить тѣхъ понятыхъ, которыхъ будетъ спрашивать становой. Богатые, зажиточные крестьяне все это справятъ: ихъ облекутъ не только въ благонадежность, но и благочестивыми признаютъ. Но что дѣлать бѣдному?»

Каждый офеня, собираясь въ дорогу, прежде всего, долженъ уплатить всѣ подати впередъ (иначе волостное правленіе не дастъ увольненія), затѣмъ долженъ «выправить» паспортъ, достать свидѣтельство на право торговли и, наконецъ, закупить «товаръ», т.-е. картины, книжки и разную мелочь, вроде иголокъ, пуговокъ, крестиковъ, тесемокъ, ленточекъ, платковъ и т. д.

Впрочемъ, наиболѣе бѣдные изъ офеней—«ходьба» (ходебщики) и «коробейники»—не торгуютъ мелочнымъ товаромъ, а ограничиваются продажей картинъ и книгъ. «Такіе офени, закупивъ товаръ на какіе-нибудь 5 рублей, пробиваются ими отъ осени до весны. Весь расчетъ ихъ сводится къ торговому обороту; распродавъ весь свой товаръ въ недѣлю, а много въ двѣ, они вновь закупаютъ товару на ту же сумму, т.-е. на 5 р., а приобретенный барышъ идетъ на прокормленіе себя и семьи. Товаръ этотъ сподручнѣе всего для бѣдняка: онъ дешевъ, легковѣсенъ, освобожденъ отъ всѣхъ пошлинъ торговаго устава, скоро сбывается» *).

Г. Голышевъ приводитъ слѣдующій примѣрный реестръ покупокъ въ пять рублей:

1) 100 картинокъ простовика крашенаго	— 60 к.
2) 25 » литографіи листовой	1 р. 25 »
3) 25 » » полулистовой	— 62 »
4) 100 книжекъ божественныхъ и свѣтскихъ . . .	1 р. 50 »
5) Азбуку, поминаній, «Соломоновъ» и проч. . .	1 » 03 »

Всего. . . . 5 рублей.

Если офеня вздумаетъ замѣнить картины высшаго сорта книжками, то можетъ получить взамѣнъ ихъ еще 125 книжекъ—«листовою». На такой небольшой капиталъ офеня могъ просуществовать всю зиму. Теперь же, «при установленныхъ формальностяхъ, имъ всѣ пути заказаны».

Что касается благонадежности офеней, то, по словамъ г. Голышева, не слышно, чтобъ у нихъ встрѣчалось что-либо предосудительное. Да, наконецъ, губернаторскія свидѣтельства нисколько не гарантируютъ отсутствія запрещенныхъ изданій. «Блюстители не рассматриваютъ товаръ у тѣхъ офеней, которые вытаскиваютъ изъ-за пазухи свидѣтельство: вынулъ, показалъ и ступай съ Богомъ. На практикѣ стало замѣтно, что богатые офени, заручившіеся свидѣтельствами, намѣренно притѣсняють бѣдняковъ-торгашей; они наталкиваютъ на нихъ урядниковъ и другихъ лицъ, всячески издѣваясь надъ ними. Введенныя формальности, давящая бѣдныхъ, породили для богатыхъ монополію или что-то вродѣ откупа».

Трудъ офени только съ перваго взгляда можетъ представляться легкимъ. На самомъ же дѣлѣ онъ преисполненъ всевозможныхъ трудностей и лишеній. «Сколько ихъ гибнетъ въ далекихъ странствованіяхъ отъ непошранныхъ трудовъ, сколько ихъ грабятъ по дорогамъ, убиваютъ! Пронихъ подлинно можно сказать: «скитальческія восточки, въ какихъ только мѣстахъ васъ нѣтъ?» На бѣдняковъ-офеней въ зимнюю пору часто бываетъ жалко смотрѣть: въ трескучіе морозы, одѣтыя въ лохмотья, съ

*) „Если у торгаша-бѣдняка нѣтъ денегъ, онъ либо закладываетъ что-нибудь у оптоваго торговца, либо беретъ у него въ кредитъ“ (Голышевъ).

обмороженными лицами, насквозь прохватываемыя вѣтромъ, ихъ фигуры свидѣтельствуяють слишкомъ краснорѣчиво объ ихъ горькой долѣ».

Такъ изображаетъ положеніе офеней человѣкъ, который какъ по роду своихъ занятій, такъ и по мѣсту своего жительства имѣетъ полную возможность хорошо и близко знать ихъ дѣятельность и всѣ условія ихъ существованія *). Хотя наблюденія г. Голышева относятся къ владимирскимъ офенямъ, но само собою ясно, что все высказанное имъ о нихъ можно отнести и ко всѣмъ другимъ офенямъ, такъ какъ общія условія, тормазящія дѣятельность ихъ, повсюду въ Россіи одни и тѣ же.

Въ высшей степени важнымъ представляется вопросъ объ отношеніяхъ, которыя установились между крестьянскимъ населеніемъ и продавцами-офенями. Основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ въ статьѣ г. Голышева, слѣдуетъ заключить, что отношенія эти не заставляютъ желать ничего лучшаго.

«Мужичку вольготно принять у себя въ избѣ, не слѣзая съ печи, офеню, въ лицѣ котораго онъ встрѣчаетъ своего же собрата-товарища. По своему вкусу онъ выберетъ книжку, азбуку, картинку; если въ семьѣ нѣтъ денегъ, офеня выведетъ его изъ затрудненія: товаръ свой промѣняетъ на лёнъ, холстъ, хлѣбъ въ зернѣ или въ мукѣ, на овесъ и вообще на что угодно, подходящее для него, и оба остаются довольны».

Отсюда понятно, почему въ любомъ крестьянскомъ домѣ «офеню принимаютъ, какъ дорогаго гостя: ему даютъ ночлегъ, пріютъ; накормятъ не только его самого, но и лошадку его, если онъ съ нею, да еще на дорогу дадутъ кусочекъ хлѣбца, и за это ничего не возьмутъ. Въ свою очередь, и офеня цѣнитъ ласку и гостепрѣимство хозяевъ, и за ихъ радшіе прѣбѣтъ имъ на стѣну картинку, подарить лишнюю книжку».

Такимъ путемъ поддерживаются и вѣрнута эти добрыя, хорошія отношенія. Судя по этому, Некрасовъ, рисуя типъ офени въ лицѣ «Дядюшки Ягова», старика «съ доброю душой», пріѣзду котораго искренно радо все населеніе деревни и который охотно даритъ книжку бѣдной «Феклуша-сироткѣ», не идеализировалъ, а воспроизвелъ дѣйствительно существующій, жизненный типъ.

Тѣмъ не менѣе, тотъ, отмѣченный нами выше фактъ, что крестьянамъ приходится сильно переплачивать при покупкѣ картинъ и книгъ у офеней, остается, разумѣется, въ полной силѣ. Но послѣ того, что мы узнали объ условіяхъ, среди которыхъ приходится офенямъ вести свою торговлю, мы врядъ ли рѣшимся обвинять ихъ въ алчности и въ стремленіи къ кулачеству.

*) И. А. Голышевъ—трудолюбивый изслѣдователь русской старины, по происхожденію крапостной крестьянинъ графа Панина, живетъ постоянно въ слободѣ Мстеря, гдѣ въ 1858 году основалъ литографію, которая въ настоящее время производитъ до 530,000 народныхъ картинъ въ годъ, цѣною отъ 55 коп. до 5 руб. за сотню (*Росинскій*: „Народныя картинки“, книга первая.)

Конечно, будетъ время, когда въ каждомъ сколько-нибудь крупномъ и населенномъ пунктѣ,—будетъ ли это уѣздный захолустный городишко, торговое село или мѣстечко,—заведется своя книжная лавка (земская или частная), въ которой окрестный мужикъ можетъ выбрать себѣ любую картинку и книжку *). Тогда само собою устранился, разумѣется, всякая надобность въ офеняхъ и коробейникахъ (уже и теперь районъ ихъ дѣятельности отодвигается все дальше и дальше, въ глубь и глушь окраинъ). Но пока этого нѣтъ, офеня является для деревни лицомъ необходимымъ и въ высшей степени полезнымъ, какъ «носитель» (понимая это слово буквально) «умственной пищи».

Эта миссія получаетъ особенную важность теперь, въ наше время, когда все содержаніе народно-лубочной литературы кореннымъ образомъ обновляется, когда въ изданіяхъ лубочниковъ начинаютъ встрѣчаться имена талантливыхъ и популярныхъ писателей, когда, наконецъ, достоинства этой мужицкой литературы становятся произведеній величайшихъ поэтовъ, «богатырей русской литературы», составляющихъ славу и гордость Русской земли.

Въ виду этого, вопросъ о возможно большемъ облегченіи книжной и картинной торговли офеней, ходябщиковъ и коробейниковъ приобретаетъ особенное значеніе, особенную практическую важность. Пожелаемъ же, чтобы вопросъ этотъ получалъ, наконецъ, разрѣшеніе въ смыслѣ благопріятномъ для возможно болѣе широкаго распространенія книги въ народной средѣ и чтобы тѣ препятствія, которыя теперь тормазятъ дѣятельность офеней и другихъ продавцовъ-разнощиковъ по распространенію народныхъ книгъ, были устранены.

А. Пругавинъ.

*) Въ послѣднее время нѣкоторыя земства начали устраивать по деревнямъ склады народныхъ изданій для ихъ продажи. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ городахъ продажа дешевыхъ изданій производится при комиссіяхъ народныхъ чтеній. Какъ велико въ массѣ населенія требованіе на подобныя изданія, показываетъ, между прочимъ, опытъ, произведенный одесскимъ славянскимъ обществомъ. „Оно открыло продажу народныхъ изданій, и вотъ результаты: въ 1884 году было продано всего 1,100 экземпляровъ, въ 1885 г.—6,195 экзempl. и въ 1886 г.—уже 59,800 экзempl.“ (Неделя 1887 г., № 28).